

Марк Рейтман

РУССКИЙ УСПЕХ

Марк Рейтман

**Русский успех.
Очерки о россиянах,
добившихся успеха в США**

«И-трейд»

1997

Рейтман М.

Русский успех. Очерки о россиянах, добившихся успеха в США /
М. Рейтман — «И-трейд», 1997

ISBN 5-365-00853-7

«Кто из россиян имел наибольший успех в Америке? Пусть некоторым россиянам это неинтересно. Эта книга для других – для тех, кто хочет понять слагаемые этого успеха, очистить его корни от налета предубеждений и расположить (но не похоронить!) легенды отдельно от знаний. Итак, кто же из эмигрантов добился успеха независимо от профессии и возраста...» (Марк Рейтман) Если рассматривать эту книгу как руководство к действию, то было бы весьма полезно оценить также случаи, когда россияне не имели успеха, но таких случаев много, гораздо больше, чем случаев успеха, да и у «счастливых» мы найдем немало примеров неудачных шагов. Однако, как видим, у нас немало возможностей порадоваться за удачливых соотечественников.

ISBN 5-365-00853-7

© Рейтман М., 1997

© И-трейд, 1997

Содержание

На второй родине	5
Гам вокруг Георгия Гамова	8
Американский инженер Степан Тимошенко	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Марк Исаевич Рейтман

Русский успех. Очерки о россиянах, добившихся успеха в США

На второй родине

Страна эмиграции оказывает сильное влияние на каждого из иммигрантов. Однако лишь немногие из них оказывают еще большее влияние на эту страну.

Дж. Ден-Гартог

Кто из россиян имел наибольший успех в Америке? Пусть некоторым россиянам это неинтересно. Эта книга для других – для тех, кто хочет понять слагаемые этого успеха, очистить его корни от налета предубеждений и расположить (но не похоронить!) легенды отдельно от знаний. Итак, кто же из эмигрантов добился успеха независимо от профессии и возраста – мы слишком много слышали об их необоримости? Мне кажется, что лучше всех на этот вопрос ответит энциклопедия: кто попал в энциклопедию, тот и добился настоящего успеха. Энциклопедий много. В поисках наиболее авторитетной, я остановился на энциклопедии «Гролиер» на компактном Диске. Это адаптированный к диску вариант Академической американской энциклопедии. Выбор носителя информации был однозначен: крошечный диск содержит столько же ценных, сколько помещается в тридцати увесистых томах. Причем пользоваться этой информацией гораздо удобнее, ее легко сортировать по любому Ключевому слову и она гораздо оперативнее: ведь чтобы что-то добавить или изменить в изданной энциклопедии, нужно ее всю перепечатывать.

Но вернемся к выбору «успешных новоамериканцев». Я пробовал провести опрос избранных лиц, каждый из которых вываливал мне ворох фамилий. Один из опрошенных, тонкий российский интеллектуал, назвал ряд имен. Но большинство из них моему критерию не удовлетворили: ни поэт И. Елагин, ни писательница Н. Берберова, ни литературоведы Г. Флеровский и М. Слоним, ни журналист А. Седых, ни историк Ростовцев, ни прозаик А. Довлатов, ни даже актер М. Чехов и философ Г. Федотов в американской энциклопедии на компактном диске не значились. Были в числе избранных из его списка только писатель В. Аксенов, лингвист Р. Якобсон (сначала я не нашел и его, так как его фамилия пишется через к), Иосиф Бродский (он очень известен как Нобелевский лауреат, а еще больше как лауреат премии Конгресса 1991 г.)

Кто еще фигурирует в энциклопедии в разделе, характеризуемом словами «русско-американский»? Здесь можно встретить Айзика Азимова, который приводится как «ученый-биохимик, просветитель и плодовитый писатель», здесь модернистские скульпторы Александр Архипенко и Наум Габо (Певзнер), романист и редактор на идише Абрам Каган, генетик Тадеуш Добжанский (он считал себя русским несмотря на польские имя и фамилию), физик Георгий Гамов, виолончелист Григорий Пятигорский, скрипачи, представители знаменитой «одесской плеяды» Ефрем Цимбалист, Натан Мильштейн, Миша Эльман и Исаак Стерн и отдельно Яша Хейфец, дирижер Сергей Кусевицкий, многие годы руководивший Бостонским симфоническим оркестром, романист Владимир Набоков, писательница и философ Эйн Рэнд. Популярны в США представители нового русского балета балетмейстеры Георгий Баланчин и Леонид Мясин, танцовщики Наталия Макарова, Александра Данилова, Ольга Спесивцева, Александр Годунов и Михаил Барышников, актер Юл Бриннер, композиторы Сергей Рахма-

нинов, Игорь Стравинский, Александр Черепнин и Израиль (Ирвинг) Берлин, пианисты, два Владимира, Горовиц и Ашкенази.

В числе удачливых энциклопедией называются Григорий Шелехов и Александр Баранов, основавшие в конце 18-го века Русско-Американскую компанию, «наблюдатель сверхъестественных явлений», как ее назвала энциклопедия, Елена Блаватская, изобретатель телевизора и электронного микроскопа Владимир Зворыкин, изобретатель многомоторных самолетов и вертолетов Игорь Сикорский, исследователь экономико-математических методов, «нобелевец» Василий Леонтьев, предприниматель в области радио Давид Сарнов, изобретатель стрептомицина (и, конечно, Нобелевский, лауреат) Зельман Абрам Ваксман, художник-гравер Татьяна Гросман (Агушевич), лидер американского анархизма Эмма Гольдман.

Попали в «Гролиер» и несколько не слишком известных персонажей, как например, профсоюзный деятель Давид Дубинский, психолог в области дошкольного образования Ури Бронфенбреннер, малоизвестный (по крайней мере мне!) композитор Луи с Грюнберг, католический-миссионер, работавший в среде американских индейцев, Деметриус Августин (!) Галлицин, философ и лингвист Макс Блэк, театральные художники Павел Челищев, Евгений Берман и Борис Аронеон, и все!

Есть, правда, случаи, которые не знаешь куда отнести. Например, композитор Александр Черепнин большую часть эмиграции провел во Франции и лишь в конце жизни поселился в Чикаго. При этом мы не обходим фактор гражданства. Например, можно говорить о грандиозном успехе дирижера Мстислава Ростроповича, 20 лет руководившего Национальным оркестром США, хотя он никогда не был американским гражданином, а большую часть этого времени не имел и российского гражданства, т. е. был вообще лицом без гражданства. Леопольд Ауэр, старейшина Петербургской школы скрипачей, именуется в «Гролиере» американо-венгерским скрипачом, хотя 49(!) лет работал в России.

Не стал американцем и писатель А. Солженицын, хотя он прожил в США 17 лет и пользовался значительным успехом у американцев. Танцовщик Рудольф Нуреев, больше выступавший в Америке, чем в Европе, все-таки, наверное, не зря пожалован английской королевой званием рыцаря, чтобы считаться еще и американцем. Я уж не говорю о значительной категории парижских эмигрантов, которые могут обидеться, попади они в эту книгу. Писатели В. Аксенов и В. Войнович прямо называются русскими, а объем созданного И. Бродским на английском языке все же не идет в сравнение с его русским вкладом.

Не попали в наш набор удачливых Шелихов и Баранов: они никогда не были гражданами США, и хотя их в целом успешная деятельность проходила на современной территории США, эта территория находилась тогда под российским протекторатом. Т. е. они как бы не покидали Россию.

Писатель А. Азимов и популярный композитор И. Берлин оказались за бортом, так как они, хотя и родились в России, но были привезены соответственно 3-летним и 5-летним несмышленишками. Их не задела русская культура. Нас будут интересовать только те, кто прибыл в Америку хотя бы в школьном возрасте.

Автор сравнительных жизнеописаний всегда может подыграть любимцу, и я исключения не составил, включив в число избранных инженера-теоретика Степана Тимошенко. Хотя его и нет в означенной энциклопедии. Кроме естественного желания уважить коллегу, сыграла роль и поистине огромная популярность Тимошенко в инженерных кругах России и США, Хотя по традиции, запечатленной еще в чеховском «Пассажира первого класса», мнение этих кругов широкая публика обычно игнорирует.

Бывали случаи увлечения ложным следом. Например, мне сообщил приятель, что в русском еженедельнике «Аргументы и факты» появилась заметка о том, что создатели известной мотоциклетной фирмы Харлей и Дэвидсон на самом деле русские, Харлампиев и Давыдов. В изданной истории фирмы о родителях Харли и братьев Дэвидсон не сказано ни слова.

Зато много говорится о том, что эта компания – единственный американский производитель мотоциклов, остальные давно разорились. Из других источников я узнал, что фирма несколько раз была близка к банкротству и спасалась правительственными субсидиями. Конечно же, как «единственная американская»... я написал президенту фирмы письмо, где обещал ему, что два миллиона русских американцев будут, быть может, покупать только его мотоциклы, если... В то же время на возможности субсидий это не отразится, так как никто в конгрессе по-русски не знает. Очень скоро пришел ответ:

*Дорогой Марк Рейтман! Ваше письмо поступило ко мне. Когда я кончил смеяться, что потребовало несколько дней, я теперь, наконец, способен ответить. Я уже слышал об этой глупости несколько раз и смею вас заверить, что семьи Харли и Дэвидсона не русские. С уважением и т. д.
Мартин Джек Розенблюм, историк(!).*

Я понял ответ так: или смешливый историк прав, т. е. Харли и иже с ним не русские, или же тайна зарыта гораздо глубже, чем это можно раскопать наивным письмом – в конце концов историкам платят за что-то зарплату. А книга эта выйдет без очерка о предприимчивых американцах, которые в 1903 г. стали первыми в Америке производить мотоциклы.

При написании книги использовалось, конечно, много английской в основном литературы, ссылки на которую я опустил. Незаменимым источником служил автору также Интернет и энциклопедии «Гролиер», «Вебстер», «Британская», «Эн карте» и др.

Далеко не все герои выглядят рыцарями без страха и упрека, ибо автор меньше всего видел свою задачу в лакировке. Каждый должен смотреться таким, он был в жизни, и по величине, и по направлению – иначе эта книга лишается смысла. В то же время не все области деятельности русских в Америке пользуются одинаковым интересом автора, а некоторые он находит просто чепухой. Тем не менее добиться успеха даже в этих областях было непросто, и автор в таких случаях предпочел оставить свое мнение при себе.

Гам вокруг Георгия Гамова

Я не имею права пренебрегать автобиографиями моих героев; тем более в особом случае Гамова, настолько эта личность своеобразна и настолько полно она отразилась в изданной самим Гамовым автобиографической книге. Ниже цитаты из этой книги приводятся курсивом без специальных ссылок.

Предки матери Георгия Гамова, по семейному преданию, были запорожскими казаками, а его прадед по отцовской линии – офицером русской армии, которая этих казаков в конце 18-го века истребила. Отец преподавал литературу в одесской гимназии; его самого способного ученика звали Лев Бронштейн, который был более известен миру театральным псевдонимом своей матери – Трощкая.

Ребенок рос, и родителям ничего не оставалось, кроме как определить его в университет, сначала Одесский, который почему-то назывался Новороссийским, а потом, когда уровень преподавания юношу все же не устроил, в Петроградекий. Впрочем за время обучения. Гамова университет вырос в Ленинградский, так что кончил уже другой университет.

Это было время, когда преподавание в университетах перестраивалось с «научного» на «единственно верное», т. е. марксистское, отчего из Москвы наезжали специальные лекторы преподавать универсальный идеологический принцип всех советских ученых, «диалектический материализм». Экзамен для Гамова проходил драматически.

Один из вопросов был: *«Какая разница между животными и человеком?»* Вспомнив свое раннее религиозное образование, я уже был готов ответить: *«Люди имеют души, а животные нет»,* что привело бы к полному провалу. Но я вовремя поправился и ответил: *«Никакой!»*. *«Неверно, – сказал экзаменатор. – Согласно вот этой книге, люди используют орудия производства, а животные нет».*

И Гамов поставили оценку «удовлетворительно», на его академические успехи, к счастью, не повлиявшую. Гамову «единственно верный метод» казался сплошной ахинеей, но мы-то теперь знаем, что в нем содержался глубокий смысл: после его изучения все партийные документы начинали казаться большинству строго логичными. Меньшинство же, подобно Гамову, вынесло из изучения этого предмета, по его словам, только «единственно верное» истолкование различия между «диалектическим материализмом» и «матерным диалектом».

При этом Гамов не забывал о развлечениях с друзьями: их все вокруг называли «три мушкетера». Это были, кроме одессита Гамова, бакинец Лев Ландау и полтавчанин Дмитрий Иваненко, в дальнейшем не последние люди в советской физике.

Нет, читались, конечно, и другие лекции тоже. Например, математик А.А. Фридман читал «Математические основы теории относительности». Он нашел ошибку у самого Эйнштейна. Причем ошибку математическую идеологические ошибки у Эйнштейна находили другие, это было гораздо проще.

При университете работали целых два больших научно-исследовательских института. Одним из них, Рентгеновским институтом, в который настолько глубоко проник «единственно верный» метод, что его можно было назвать «Единственно Верным Рентгеновским Институтом», руководил академик Абрам Иоффе, и в нем работали сплошь ЕВРЕИ.

Зато другим руководил Дмитрий Рождественский, или «дядя Митя», в нем был только один сотрудник-еврей и назывался институт этот очень уместно ГОИ Государственный Оптический Институт. Когда я закончил университет, профессор Рождественский взял меня аспирантом. Но поскольку я завершил сдачу экзаменов на год раньше, мне предложили год проработать временно преподавателем в Артиллерийской школе.

«Единственно верный» научный метод блюлся там не менее неукоснительно. Поелику Гамов Рождественскому сгодился, он стал аспирантом и начал исследовать рефракцию стек-

лянных блоков в большом, наполненном водой сосуде, похожем на аквариум. Одновременно занимался и теоретическими исследованиями. Однако переход от теории к эксперименту требовал от Георгия пересечения Невы, а это было непросто. На трамвае эта операция затруднялась опасностью подхватить в давке тифозных вшей. Гамов предпочитал пересекать реку пешком по льду. Однако весной он нечаянно оказался в воде вместе с наручными часами, тогда большой редкостью. Владение методами экспериментальной физики помогло ему спасти часы: он искупал их в спирте и высушил. Но это было сигналом к тому, чтобы прекратить совмещать теоретическую физику с экспериментальной. Отныне Гамов стал теоретиком.

«Следующий год принес мне приятный сюрприз: когда я открыл *Анналы Физики*, в нем была моя с В.Прокофьевым статья об аномальной дисперсии света. Я даже не знал, что Рождественский, когда я уже бросил экспериментальную физику, дал ту же тему другому, более „рукастому“ студенту, который довел ее до победного конца. Так появилась на свет моя первая и последняя статья по экспериментальной физике».

В 1928 г. с подачи профессора Хвольсона, ни одной лекции которого Гамов так и не посетил, хотя он и читал элементарную физику, Гамов был рекомендован постажироваться в знаменитый Геттингенский университет. Тогда еще такая форма обучения не была отставлена советчиками, хотя уже и появились трудности с валютой: никто не хотел принимать советские рубли. Но это не помешало Гамову устроиться с жильем и закрутиться в вихре квантовой механики. Он занялся теорией потенциального барьера. После Геттингена Гамов задержался в Копенгагене, где он работал с Н. Бором, Деньги подошли к концу, но Бор вызвался выбить стипендию.

«Работа в институте Бора была совершенно бесплатной; можно было приходиться как угодно поздно и оставаться сколько угодно, играя в пинг-понг, обсуждая вопросы физики или что-то еще. Но было одно условие: Бор все время что-то обсуждал и не желал делать никаких математических выкладок... Передо мной не стояла опасность попасть на такую работу, ибо Бор знал, что я еще чаще, чем он, делаю ошибки в трудных вычислениях и не могу быть полезным в стилистике и грамматике какого-либо иностранного языка.»

Тем не менее проведенные Гамовым вычисления вероятности того, что альфа-частицы, бомбардирующие атом, попадут в его ядро, совпали с результатами Резерфорда, и Бор посоветовал Гамову съездить в Англию, познакомиться с ними Резерфорда. Ему, правда, удалось провести еще год в Кембридже, пользуясь стипендией Рокфеллеровского фонда, и выпустить там книгу о своих исследованиях. Зато его возвращение в Россию в 1931 г. было триумфальным. Газета «Правда» писала о пареньке «от станка» (то что Гамов никогда не подходил к станку не имело в глазах газеты никакого значения), который доказал капиталистам, что государство рабочих и крестьян может «рождать собственных Невтонов», Там же (на первой странице!) был тиснут длиннющий и архибездарный стих Демьяна Бедного (это при огромных-то «правдишных» гонорарах!). Героем стиха был Гамов, фамилия которого рифмовалась со словом «хамов», отнесенным, разумеется, не к нему.

Гамов стал преподавать в Ленинградском университете, но сразу стало ясно, что он не рожден жить на советской земле. Во главе науки встали коммунистические чиновники типа некоего Гессена, который возглавил Физический институт Московского университета. По своей квалификации он был школьным учителем физики и, следовательно, физику знал. Но не настолько, чтобы проводить современные исследования. Зато Гессен сумел возглавить «единственно верную» кампанию против теории относительности А.Эйнштейна. Эйнштейн был объявлен врагом марксизма, народа и власти советов, поскольку он отрицал наличие «мирового эфира», существование которого было предусмотрено самим «диалектическим материализмом». При этом то, что Энгельс ставил существование эфира под сомнение, а другие классики по этому поводу не высказывались, имело не больше значения, чем связь Гамова со станком. Эфир существовал, а ученым-марксистам следовало искать его механические свойства

и все тут! Причем долгий и трудоемкий путь прохождения научных идей через журналы и конференции Гессена не устроил; он сразу написал статью в «Советскую энциклопедию», куда должны поступать только выверенные научные материалы.

Группа физиков во главе с Г. Гамовым и Л. Ландау решила, что надо действовать. Свой протест они воплотили в шуточное письмо Гессену, где написали, что статья об «эфире» вдохновила их на поиски, что «старик Альберт – идиот-идеалист», а они готовы под руководством Гессена пуститься в исследования. Конечно, они подозревали, что Гессен вознегодует, но не думали, что до такой степени. В Рентгеновском институте и в Политехническом институте состоял ась совместная массовая разборка; Л. Ландау и А. Бронштейна отстранили от преподавания, но не от научной работы. Гамову тоже досталось: он стал «невъездным».

Гамов решил встретиться по этому поводу с Н. Бухариным. К их встрече, тот уже прошел свой зенит и был председателем комитета, надзиравшего за советской наукой и техникой, который, конечно, не имел никакого политического значения. Бухарин однажды присутствовал на докладе Гамова по поводу производства электричества и никакой связи между ними не было.

Но Бухарин запомнил молодого ученого.

Удовлетворить просьбу он уже своей властью не мог, зато перекинул Гамова к В. Молотову, который с улыбкой обещал решить этот вопрос. И решили: отказать, дабы не создавать опасного прецедента. Жены были более полезны как залог возвращения своих мужей, чем как стражи их морали за границей. Увидеть Молотова вторично не получалось, и Гамов пошел на опасный эксперимент.

Я не поеду в Брюссель.

– Но вы обязаны ехать, вы представитель Советского Союза.

Я, несомненно, действовал как безумец, так нельзя было говорить с советским правительственным чиновником.

– Вы, конечно, можете меня послать под охраной о границы Советского Союза, – сказал я, – но охране не разрешат проводить меня до Брюсселя и она не заставит меня занять место в зале конгресса.

Я повернулся, на каблуках и вышел вон. На несколько дней я остался в Москве, ожидая ареста. На следующий день раздался звонок. Кто-то из паспортного отдела просил меня придти и забрать паспорт.

– Второй паспорт тоже готов?

– Нет, только один.

– Позвоните мне, пожалуйста, когда оба паспорта будут готовы. Почему я должен дважды посещать вашу контору?

Такой же разговор состоялся через день и через два. На четвертый день тот же голос информировал меня, что оба паспорта готовы.

Зато во многом стало ясно, кто есть кто, кстати неблагоприятна была роль академика Иоффе. А ведь в рамовской истории были и весьма драматические страницы. В 1933 г. Гамов и его молодая жена Любовь, в научном просторечии Ро, хлопотали о выезде в Рим, но Гамова чиновники «кормили завтраками», пока не прошли все сроки. И тогда Гамов решил покинуть Россию с помощью не паспортов, а байдарки. Турецкий берег был в 270 километрах. Они позаботились о провизии (несколько фунтов шоколада и крутые яйца) и о навигации (компас, ночью Полярная звезда, днем горы позади и впереди, одни должны были исчезнуть, а другие показаться), о легенде по прибытии в Турцию (он назовется датчанином, покажет свои давно истекшие датские мотоциклетные права и попросится в посольство; там останется только связаться с Бором). Не учли неопытные мореплаватели только свою спортивную форму: чтобы преодолеть по морю такое расстояние требовалась хорошая атлетическая подготовка. А Гамовы через день путешествия изнемогли и заснули в своей байдарке. Зато ветер стал креп-

чать, появились на гребнях волн белые барашки. Так что пришлось повернуть и после невероятных мучений не выйти, а упасть на свой берег.

Осталось попробовать Мурманск, но там была нужна моторная лодка. Да и шансы на успех... Черт побери, почему Россия устроена так, что на Черном море нет островов?

Но через несколько дней после прибытия в Ленинград пришло письмо от Наркомпроса, извещавшее, что Гамов включен в советскую делегацию на Сольвейевский конгресс в Брюсселе по ядерной физике.

Поехать в Брюссель означало остаться за границей, а я не хотел делать это без Ро. Таким образом, проблема была в том, чтобы получить второй паспорт или послушаться распоряжения правительства и не поехать на конгресс.

Так покинул СССР первый невозвращенец в ранге член-корреспондента Академии Наук. В своей автобиографии он даже не упоминает об избрании, настолько его волновали в то время другие проблемы. Но самый большой сюрприз преподнес Гамову в Париже Н. Бор: он сказал Гамову, что тот должен вернуться в Москву, ибо он лично поручился за него коммунисту, профессору П. Ланжевену и тот ходатайствовал перед Москвой – положение обязывает. Позднее этот разговор Бора станет лыком в строку с дезинформацией генерала Судоплатова, о том что Бор был советским агентом. Но в таком случае речь шла бы лишь: о недоразумении между своими, так как, по Судоплатову, и Гамов тоже был советским агентом. Если оставить в стороне эти ГБ-истские трюки, то речь шла не только о репутации Бора, правительство могло и выдать советского гражданина, ведь в воздухе Парижа пахло народным фронтом. К счастью, Мария Кюри, по просьбе Гамова, переговорила с Ланжевенном и сообщила Гамову, что тот может остаться. Еще раз нельзя не поразиться сладкому прекраснодушию западных деятелей, они как бы не ведали, что дело идет о самой жизни двух людей. Я бы не поверил в искренность Бора, если бы сам не встречал таких, как он.

А дальше прошло много лет, занятых звездами, их пышными расцветами и чудовищными невзгодами, работой по созданию ядерного оружия (к атомной бомбе Гамов еще не был допущен из-за малости своего американского стажа: состояние в категории «порядочных людей» тогда к нему не приравнивалось), двадцатью двумя популярными книгами (не слишком ли много?), наконец, «экскурсом», как он сам его назвал, в генетику.

Вокруг Гамова стоял «гам», т. е. обстановка легкого скандала. Он всегда шокировал академические круги, которые и сами были не прочь пошутить и посмеяться, в меру разыграть кого-то, вежливо съязвить. Но у Гамова это всегда получалось сверх меры. За официальным столом он начинал рассказывать скабрёзную историю по-французски, не соизмеряя, из-за плохого владения языком, степени неприличности используемых выражений.

Популярные книги он не только писал, но и отчасти объяснял своему постоянному слушателю мистеру Томпкинсу, забавному, скромному, любознательному банковскому служащему, которого он выдумал. Но когда м-р Томпкинс появился. В роли соавтора серьезной статьи Гамова по генетике, публикация затянулась, ибо редакторы оказались, как ни странно, народом начитанным... в этом «гаме» естественно затерялись голоса тех, кто считал Гамова достойным Нобелевской премии. Ученый может быть против «теории стационарного состояния». Но Гамова не пригласили, по его мнению, на Сольвейевский конгресс 1958 г. из-за критики той теории, выполненной в форме пародии на... Библию. Этому человеку было тесно в любых рамках, в том числе и в рамках портрета Нобелевского лауреата.

Американский инженер Степан Тимошенко

Он по праву считается здесь «русским ученым», хотя в нем и нет, говоря в современных терминах, русской крови: мать Степана была полькой, а отец – украинцем. Тем не менее Тимошенко – это русский ученый в лучшем смысле этого слова. Россию ее правители размахнули на полсвета с запада на восток, а с севера на юг Некто постарше их располосовал гигантскими реками, которые для коммуникаций скорее помеха, чем подспорье. Чтобы связать всю эту громаду в целое, нужны были дороги. Их-то и предстояло построить русским инженерам. А для того требовалось рассчитать рельсы, подогнать детали паровозов, найти очертания огромных мостов... Да поточнее, чтоб лишняя сталь не оседала мертвым грузом в конструкциях, давая ход алчным конкурентам. Вот почему именно железнодорожные задачи стали главными для славной плеяды русских инженеров (Журавского, Лолейта, Ясинского, Коробова, Шухова, Белзецкого и др.). Даже звучание фамилий выдает, что не все они были русскими по крови. Но русский простор стал частью их профессионального мышления.

Вот что привело способного мальчика из г. Ромны в Петербургский Институт путей сообщения – головной мозг дорожного организма России. Собственно, он бы с не меньшей охотой отправился в университет, изучать математику. И это была бы серьезная потеря как для России, так и для Америки, но... это было невозможно. И тут, видимо, впервые для него дала о себе знать нелепость российской действительности – сколько еще раз придется с ней столкнуться рациональному мозгу инженера! Дело в том, что он, выпускник реального училища, не имел права поступать в университет. Хотя математику ему давали в большем объеме, чем в гимназиях, но не учили древним языкам. Как будто Эвклида можно изучать только по подлиннику, а не по прекрасному учебнику Киселева! Может, отсюда (все мы люди!) пошла у Тимошенко придирчивая ревность к университетским математикам. Математику в институте им преподавали неправильно, считал Тимошенко. «Инженерам нужно знать только, что составляет суть математических дисциплин и как эти знания применять на практике». Этому профессора математики не учили. Они лишь повторяли курсы, которые им преподавали в университетах, перегружая их доказательствами, но почти не давая приложений, великий математик и логик Бертран Рассел сказал: «Математики готовят в вузах только преподавателей математики, чтобы те готовили, в свою очередь, преподавателей математики и т. д. до бесконечности». Тимошенко разделял это суждение. Много лет спустя знаменитый физик А.Ф. Иоффе, соученик Тимошенко по роменской гимназии, напишет, что Тимошенко принесло славу внедрение современных достижений математики в инженерные расчеты. Это отчасти верно, хотя тут сквозит снобизм, присущий физикам. На самом деле Тимошенко использовал математику лишь утилитарный язык инженерных рассуждений, никогда не выпячивая ее на первый план. Лекций по Математике Тимошенко не слушал, отдавая предпочтение инженеру Белзецкому, который давал на своих лекциях много примеров. Посещение лекций тогда было добровольным, когда число слушателей падало ниже двух-трех, чтения курса с облегчением прекращалось.

А вокруг был шумный студенческий Петербург, Шаляпин в Мариинке, война с Японией, студенческая столовая. Всему этому Тимошенко отдал долг. Он участвовал в студенческом управлении, желал победы японцам, все чаще выступал как инженер-расчетчик во многих проектах. Закончил курс в числе первых, но не первым, подчеркивает Тимошенко в своей автобиографии: таким людям препятствует в первенстве их избирательность. Вскоре после окончания он был приглашен преподавать в свой институт. Но тут произошла осечка: Тимошенко преградила путь первая русская революция, институт был закрыт за отказ студентов повиноваться приказам. Но границы государства оставались открытыми, и Тимошенко отправился в Германию, посмотреть, как живут, учатся и рассчитывают конструкции европейцы. Здесь на

него большое впечатление произвел восходящая звезда немецкой механики Людвиг Прандтль. Курс, который он прочел, лег в сознание Тимошенко плодородным слоем. Тем временем Россия временно успокоилась, поезда стали снова ходить по расписанию, восстановились и расписания лекций. Тимошенко стал профессором Киевского политехнического института. Началась его карьера лектора, которая продолжалась много лет и завершилась лишь в 60-х годах в Станфордском университете, штат Калифорния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.